

«Непристойность — это территория художников»

Сегодня **КАТРИН БРЕЙЯ** дает пресс-конференцию в Москве. **АНДРЕЙ ПЛАХОВ** побеседовал с ней два месяца назад в Париже.

— **Что такое, с вашей точки зрения, порнография и что такое непристойность?**

— Порнографии в чистом виде не существует. А та, что существует, это мертвая плоть, это «труп кинематографии». Сексуальность — особый язык, которым владеет человек, и задача художника — развивать его, не разрушая. Цензоры думают, что они обладают некой моральной легитимностью. Между тем они напоминают крыс, над которыми Павлов проводил свои опыты. Как только вы решаете спрятать какую-то часть женского или мужского тела, она неизбежно становится непристойной. И вот мы уже имеем учениц лица, носящих хиджаб и говорящих о том, что их уши непристойны: неужели вы не видите, что это намного ужаснее, чем принимать наши тела такими, какие они есть? Ведь, в конце концов, есть только два пола. И это не является государственной тайной. Территория непристойности, которая считается запретной, — это территория художников. Художники должны сделать ее видимой. Такова суть контракта, предложенного героиней фильма: «смотри на те места, которые запрещено видеть».

— **Почему Рокко Сиффредди, комментируя съемки этого фильма, уподобил себя Кинг-Конгу?**

— Когда его герой смотрит на свой влажный палец, который он вынул из женской вагины, он действительно похож на Кинг-Конга из старого черно-белого фильма. Тот смотрит на крошечную блондинку у себя на ладони — он, чей мир вращался вокруг власти и грубой силы, кто не имел представления

о любви, кому достаточно сжать пальцы, чтобы раздавить прекрасную пленницу. И вдруг он на мгновение испытал чувство. Посеяны семена слабости, которая приведет к его гибели.

— **В этом смысл характера, который воплощает в фильме Рокко Сиффредди?**

— Рокко — первородный человек. Его мужское достоинство заключено в том, чтобы быть самым сильным. Вдруг он встречает не самку, а женщину. Эта женщина, которая больше не живет согласно законам биологического вида, наделяет его чувствами. Он не может этому противостоять и теряет свою силу. Но в то же время он обретает чувство. И, следовательно, становится человеческим.

— **Как снимались самые скандальные крупные планы в «Порнокрагии»? Говорят, у актрисы была дублерша?**

— Мы специально написали слова про дублершу, своего рода каскадершу, в начале фильма. Самая тонкая сфера, с которой приходится сталкиваться режиссеру во время съемок, — это природа актера, особенно актера-мужчины. Чтобы быть актером, надо быть женщиной. Впрочем, иногда и этого недостаточно.

— **В ваших последних фильмах немало смешного. Можно ли рассматривать «Порнокрагию» как комедию?**

— Главный принцип комедии не в том, чтобы показывать смешное. Делать комедию — это значит с юмором относиться к самым трагическим вещам к жизни. Одной из таких вещей являются секс и связанные с ним запреты — смирительная рубашка, которую надевает на нас общество. И еще. Когда готовятся снимать сексуальную сцену, о ней никто не говорит вслух — как будто бы существует заговор молчания. Это добровольное табу, связанное не с цензурой, а с тем, что снимать такие сце-

ны болезненно для всех. Все их желают и их боятся. Своего рода приятная пытка — как альпинизм, например.

— **Считаете ли вы «Романс» и «Порнокрагию» феминистскими картинами?**

— Если и да, то на уровне подсознания, а не пропаганды. Феминистки не любят говорить о женском мазохизме, считая это политически некорректным. Вот почему шведки рьяно выступили против моих картин, англичанки обвинили меня в том, что я раздеваю женщин точно так же, как это делают мужчины.

— **Но вы раздеваете и мужчин тоже.**

— Ничего не поделаешь, это привилегия женщины-режиссера. Кроме того, я делаю это не для того, для чего делают режиссеры порно. Мое кино и порно — это два полюса. Порнокино показывает механический секс и сводится к ублажению плоти. Я же хотела показать, что для женщины «постельные удовольствия» открывают другой мир. Женский оргазм — явление трансцендентное. И что самое невероятное, его можно «экранизировать». Поскольку женщины это знают и ощущают, они могут воссоздать его лучше, чем мужчины, и с гораздо большей смелостью.

— **Трудно ли быть женщиной-режиссером?**

— Во Франции еще не так давно было очень трудно. Кристин Паскаль даже умерла, не выдержав постоянной борьбы. Тогда считалось, что режиссура для женщины — каприз: пускай уж снимет свой фильм и успокоится. Предполагалось также, что на «женские» фильмы будут ходить только женщины. Но все оказалось не так, а гораздо серьезнее. И теперь я не ощущаю себя отличной от мужчин ни как художник, ни в интеллектуальном плане. Как художник я не имею пола. Я художник и точка.

— **Режиссер, мужчина или женщина, должен быть сильной личностью?**

— Наверное. Но в то же время съемочная площадка не поле боя, она не создана для приказов. Кино для меня — олицетворение моих мыслей, а насильно навязать образ мыслей невозможно.

— **Как же вы добиваетесь желаемого результата?**

— Это скорее манипуляция духа, а не приказ. Женщины долго были под пятой и научились прекрасно пользоваться невидимой, неформальной властью при отсутствии власти, так сказать, материальной. Я даю актерам полную свободу, и им кажется, что они действуют сами по себе. Грубо говоря, это такое промывание мозгов. Еще это напоминает игру в бильярд: хочешь забросить в лунку один шар, а бьешь по другому. Не надо просить, чего ты хочешь, надо это добиваться. Поскольку съемочная группа отгорожена от остального мира, ею легко манипулировать. Причем этого надо добиваться в первый же день съемок. Заставить актера погрузиться в роль — это значит вызвать у него определенного рода шизофрению. Освобождение от морали — довольно таки опасная ситуация. Но актер идет на это под руководством режиссера. Поскольку я не полностью аморальна, то знаю, что конечная ответственность лежит на мне.

— **Вырисовывается довольно мрачная картина: режиссер-диктатор, съемочная группа — подобие секты...**

— Это отчасти так, и в то же время съемки для всех — большая радость, поверьте. Прежде всего для актеров. Ради фильма они готовы нырять в ледяную воду и делать еще тысячу вещей, которых никогда бы не сочли для себя возможными в реальной жизни. В этом и есть волшебство кино — освободиться от табу и совершать безумства.

Комментарий 2. - 2004 - 16 марта - с. 21.